

Кризис безбожия

Глава первая

Историческое время, выпавшее нам на долю, исполнено великого и глубокого значения: это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, эпоха крушения, подводящего итоги большому историческому периоду; это время испытания: совершается как бы некий исторический и духовный смотр, жизненная ревизия человеческих духовных сил, укладов и путей.

Так, как если бы некий великий судья сказал современному человечеству: "Вот, я попущу силам зла и соблазна, силам испытующим и совращающим; и они развернут учение свое и строительство свое, а ты – им в ответ – откроешь душу свою и покажешь лицо свое; и будет великий суд над ними – по делам и плодам их; и над тобою – по исповеданию и противлению твоему".

И вот, согласно этому, неслышно изрекшему, но столь остро внятному нам в событиях гласу, наше время развернуло перед нами сразу: величайший подъем воинствующего безбожия и строжайший суд над выношенной человечеством за последние века и тысячелетия религиозностью.

А если охватить весь процесс сразу единым выражением, то перед нами развернется единственный в своем роде кризис безбожия.

Слово кризис есть первоначально слово греческое. Оно происходит от "крино", что значит "сужу". Кризис обозначает такое состояние человека, его души или тела, или дел и событий, в котором выступают скрытые силы и склонности; они развиваются, развертываются, осуществляют себя, достигают своего максимального напряжения и проявления, своей высоты и полноты и тем самым обнаруживают свою настоящую природу: они как бы произносят сами над собою суд и переживают поворотный пункт; это их перелом, перевал; час, в который решается их жизненная судьба; это время их буйного расцвета, за которым начнется – или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом.

Вот что я хочу сказать, говоря о кризисе безбожия. Как бы ни были тягостны для каждого из нас события, вызванные этим кризисом, мы не должны ни растериваться под их ударами, ни предаваться духовной слепоте. Рады мы или не рады, что родились в такую эпоху и что кинуты всевластной рукою в этот омут испытаний и опасностей, – мы призваны быть участниками, не просто пассивными жертвами, объектами, но активными участниками, волевыми субъектами этого процесса. А для этого мы должны понять, в чем состоит глубокий смысл нашего исторического положения; чего требует и ждет от нас Судья, вызвавший нас на суд; какие силы имеются у нас и как нам с ними быть и обходиться; и как нам приложить их к тому историческому делу, участниками коего мы оказались. Мы должны понять смысл мировых событий. Уразуметь, что смысл их выражается этими двумя словами: кризис безбожия. И решить, какое место мы призваны занять в этом развертывающемся перед нами процессе; где во всемирном масштабе выступили скрытые доселе силы безбожия; где они развернулись и достигли небывалой еще высоты, полноты, откровенности и напора, где они впервые обнажили свою настоящую природу, и вот на наших глазах как бы произносят сами над собою суд, решая свою судьбу, а вместе с тем и судьбу всего человечества.

Видим ли мы это? Разумеем ли эти события? И если видим и разумеем, то где мы сами сердцем и волею?

И прежде всего – в самом протекании этого кризиса нет ли таких явлений и признаков, по которым мы могли бы предвидеть его исход?

В чем состоит этот кризис?

Если мы вдумчиво вслушиваемся в то, что говорят современные отрицатели Бога, то увидим, что их позицию можно свести к двум пунктам:

I. Нет никакого основания признавать бытие Бога.

II. Вера в Бога не только неосновательна и не нужна, но еще и жизненно вредна.

Все остальное, что они говорят, сводится именно к этим двум пунктам, к их развитию и детализации.

Одни высказывают это в благовоспитанной форме салонного скептицизма; другие в неделикатной форме иронической насмешки, третьи в агрессивной форме револьверного выстрела или динамитного взрыва. Но все имеют в виду именно эти два тезиса: вера в Бога есть неосновательное суеверие, предрассудок или лицемерие; вера в Бога вредна человечеству (или пролетариату), задерживая его прогрессивное развитие (или его классовую борьбу за водворение социализма или коммунизма). Или еще проще, грубее и яснее: верить в Бога – глупо, верить в Бога – вредно. Эти утверждения можно затаить в себе как свое личное, частное воззрение, – как делали в XIX веке многие русские интеллигенты из вольтеррианцев; тогда эти тезисы подчас видоизменялись, например: верить в Бога глупо, а умному человеку и вредно; но широкой массе, которая глупа, это глупое занятие может быть даже полезно, чтобы она смирялась, не зверела и послушно работала.

Современная мировая революция не могла и не захотела принять эту последнюю оговорку: ее тезис прямолинейнее и последовательнее: верить в Бога – глупо и вредно для всякого человека; особенно же для массы, ибо она как раз и не должна – ни смиряться, ни покорно работать. Масса призвана к восстанию – ей особенно глупо и особенно вредно верить в Бога; ей необходимо безбожие; нечего ждать, пока она сама потеряет веру, безбожие должно быть ей навязано в порядке государственной диктатуры – аргументом, воспитанием, подачками, истреблением духовенства, разрушением церквей, террором. Разногласия среди безбожников имеются, их нельзя замолчать. Но основная мысль одна: глупо и вредно.

И вот кризис современного безбожия состоит в том, что люди обречены изжить до конца, до дна, дотла эти утверждения о глупости и вредности веры в Бога. Вжить их в жизнь – в культуру, в нравственность, в политику, в хозяйство, в строй семьи, в педагогику, в дипломатию, в науку; внести их содержание во все углы и закоулки человеческой цивилизации, заставляя ее обновиться и переродиться под воздействием этой новой "премудрости". И на деле, на последствиях этого перерождения убедиться и доказать – в какой духовной темноте пребывало доселе человечество и особенно так называемое "буржуазное" человечество.

Ну что же? Мы слышали этот двойной тезис: "глупо" и "вредно". Позиция вычерчена. Формула дана. Вызов брошен. От нас ждут ответа. Определенного, ясного, честного. Нет, этого мало. Мы должны дать ответ не только ясный и честный, но еще объясняющий и убедительный. Мы должны объяснить, – как это случилось, что люди дошли до такой, скажем, "премудрости"; объяснить себе самим и грядущим поколениям, и им, этим просветителям вселенной, которые уверяют всех, что несут людям высшее мирозерцание и общественное освобождение.

И затем мы должны дать ответ убедительный – т. е. доказать, что веровать в Бога не глупо и не вредно, и доказать, что, наоборот, именно безбожие есть дело глупейшее и вреднейшее из всех, затевавшихся человечеством.

Мы понимаем, что можно не иметь веры или утратить ее; и это не глупость, а несчастье; и этому несчастью можно и должно помочь. Но безбожие – как правило жизни и программа жизни, как план прогресса, счастья, жизнеустроения – есть жалчайшая из глупостей и погубительнейшая из вредностей, посещавших человеческую голову.

Итак, за дело.

Объясним, как могло это случиться, что в XX веке после Рождества Христова люди начали вопить на весь мир о глупости и вредности веры в Бога? Историческое освещение этого процесса потребовало бы большого исследования, которое не может уместиться в

рамки одной лекции. Но сущность дела сводится к следующему.

За последние века человечество оскудело внутренним, духовным опытом и прилепилось к внешнему чувственному опыту; сначала верхние, ученые слои утвердились на том, что самое достоверное, драгоценное знание идет к нам от внешних, материальных вещей и приходит к нам через зрение, слух, осязание, обоняние и через их физическую или механическую проверку измерением (вес и объем), подсчетом, количеством и формальным, логическим рассуждением, а потом, так как добытые таким путем сведения о материальной природе совершили огромные технические и хозяйственные перевороты и вовлекли в них широкие слои интеллигенции и полуинтеллигенции, – то эта обращенность к чувственному, внешнему, материальному опыту и эта отвращенность от нечувственного, внутреннего, духовного опыта определили собою душевный и умственный уклад современного человечества.

Верхние слои мировой интеллигенции стали постепенно понимать, что это ошибка и ложный путь, но и то лишь отчасти, а средние слои, поставляющие учителей безбожия, и полуинтеллигенция, поставляющая учеников безбожия, укрепились в этом укладе с увлечением и даже ожесточением. Демократический строй дал прессу, влияние и власть именно этим слоям – и все оказалось predetermined. Но это лишь поверхностная сторона процесса. Нам надо смотреть глубже.

Торжество чувственного, внешнематериального опыта над внутренним и духовным опытом привело к тому, что люди обратились к религии и к Богу с чувственными мерилками и материальным пониманием. И результат этого только и мог быть отрицательным.

Всего точнее это можно было бы выразить так, что человек попытался воспринять Бога неверным актом и не обрел Его; и, не обретя Его неверным актом, объявил, что Его нет и что верить в Него глупо и вредно. Я попытаюсь сейчас разъяснить мою мысль до конца.

Тот, кто хочет увидеть картину, должен смотреть глазами. Нелепо – завязать глаза черным платком, прийти в картинную галерею, не услышать ни одной картины и уйти, заявляя, что все это обман или иллюзия и суеверие, ибо никаких картин нет.

Тот, кто хочет услышать сонату Бетховена, должен слушать ушами. Нелепо – залить себе уши воском, прийти на концерт, не увидеть глазами звуков сонаты и уйти, заявляя, что это все иллюзии или обман, ибо никакой сонаты не было и нет.

Тот, кто захочет исследовать природу логического понятия и вооружится для этого колбой, пинцетом, ланцетом и микроскопом, сделает нелепость и, потерпев явную неудачу, не будет иметь никакого права говорить, что логика есть вздор или беспредметное суеверие.

Это я и выражаю словами: предметы, воспринимаемые человеком, различны, и каждый предмет требует от человека особого восприятия, другого подхода, другой установки – верного акта.

У человека в распоряжении имеются: а) во-первых, зрение, слух, вкус, обоняние, осязание и следующее за ними чувственное воображение; с этими способностями связаны телесные ощущения боли, наслаждения, голода, холода, тепла, тяжести; все это источники внешнего, чувственного опыта, который присущ телесному человеку и открывает ему доступ к материальным вещам внешнего мира; б) во-вторых, у человека имеются внутренние, душевные силы и способности, а именно: чувствования, воля, телесно не связанное воображение и мысль.

Итак: чувствование (так называемая "жизнь сердца") – пассивно страдающее чувствование – аффекты и активно изливающиеся чувства – эмоции (таковы – любовь, ненависть, жалость, злоба, зависть, радость, печаль, негодование, покаяние и т. д.); далее, воля – эта способность решать, собирать свои внутренние силы, направлять их, руководить ими, воспринимать свои полномочия, обязанности и запретности и строить жизнь души и тела.

Человеку дана еще способность воображать содержание и предметы не веществен-

ного характера, и притом воображать их то верно, то неверно. К таким предметам не вещественного порядка относятся: мир человеческой души и мир духовного смысла, мир добра, зла, греха и нравственного совершенства, мир божественного откровения, религии и таинств. Все это человек переживает нечувственным воображением, созерцанием, духовной интуицией, и эта духовная интуиция отнюдь не есть что-то случайное, произвольное или чисто субъективное, напротив, она требует большой внутренней сосредоточенности, упражнения, очищения, планомерного и систематического осуществления.

Наконец, человеку дана сила мысли, и эта мысль может осуществляться совсем не только в формах отвлеченного, плоского, формального рассудка; нет, она имеет еще форму разума – не только не противоречащего вере, сердцу и духовной интуиции, но творчески сочетающегося с ними и вдохновенно проникающегося их силами.

Все это составляет огромную и богатую сферу внутреннего, духовного опыта, который характерен для душевно-духовного человеческого естества и открывает ему доступ к духовным предметам.

Так раскрывается перед нами закон человеческого опыта, некая основная истина, согласно которой человек способен опытно воспринять предмет только тогда, если он обратится к нему верно, – верным органом тела или души, или же и тела, и души вместе, или же духа, т. е., как мы выражаем это философски, – верным актом.

Юрист, воспринимающий и изучающий право, должен обратиться к нему духовною волею и нечувственным воображением.

Геометр, воспринимающий чистые протяженные фигуры, должен обратиться к ним особым созерцанием чистой протяженности и аналитической мыслью.

И так всегда и во всем: особый акт у скульптора, особый – у музыканта, особый – у геолога и особый – у психолога. Каждому предмету соответствует особый акт верного склада и строения. Неверный акт не воспримет предмета вовсе.

Но в каком же неосновательном, непозволительном, глупом положении будет тот, кто попытается воспринять предмет неверным актом и, потерпев неудачу, начнет утверждать, провозглашать, вопить, что такого предмета вовсе нет, что говорить о нем можно только из глупости или от лицемерия?!

И вот именно в таком непозволительном положении находятся безбожники. Смотрите.

Когда они говорят: "Где Бог? Покажите нам Бога! Ему нет места ни на земле, ни в звездном пространстве! Где он находится? Для него нет места". И когда мы не можем дать им ответа на этот нелепый и духовно безграмотный вопрос, а они, видя наше затруднение, начинают торжествовать и отрицать бытие Божие, говоря, по меткой и точной формуле Шмелева, что "все предрассудки брошены, небо раскрыто и протокол составлен, что кроме звездной туманности ничего подозрительного не найдено" ("На Пеньках", стр. 105), то поистине торжествуют они преждевременно и сослепу.

Бог не есть материальная вещь, находящаяся в пространстве; и человек, который не может или не хочет воспринять что-нибудь другое, который не понимает, что есть непротяженные реальности, непространственное бытие, нематериальные предметы; человек, который на все замахивается вопросом – "где это находится?", который желает все видеть телесным глазом, осязать пинцетом или определять химической формулой, который желает – "все похерить, что не можно ни взвесить, ни смерить", – этот человек подобен тому существу, которое не знало, откуда берутся желуди, и не знало именно потому, что не умело поднять вверх своей головы, или, по нашей терминологии, не умело изменить свой воспринимающий акт. Смотрящий в землю – не увидит звезд. Прилепившийся к внешнему опыту – не увидит реальностей внутреннего опыта. Человек, лишенный творческого воображения, ничего не создаст в искусстве. Человек, подавивший в себе совесть, не отличит добра от зла: ибо совесть есть верный орган, верный акт восприятия этих предметов. Безвольный человек не может править государством. Человек, искоренивший в себе или расплившийся в себе духовное, – не воспримет Бога.

Если представим себе на миг букашку о двух измерениях, имеющую длину и ширину, но не имеющую третьего измерения – высоты и заключенную в очерченный круг, то увидим, что она не только не в состоянии выползти из этого круга, но что она и представить себе не может, какие бывают существа трех измерений. Дайте ей воображающий акт трехмерного строения – и она поймет, в чем дело; дайте ей самой измерение высоты – и она сама не поймет, перед чем она доселе затруднялась. А если она, двумерное существо, пропадая в кругу от своей двумерности, издевалась над нами, трехмерными наблюдателями, и самодовольно праздновала свой мнимый ум и нашу мнимую глупость, – то, став трехмерной, она, пожалуй, так сконфузится за свое прошлое поведение, что от стыда опять залезет в свой заклятый двумерный круг. Ибо она поймет, что на самом деле было "глупо" и "вредно". Однако нам гораздо важнее, чтобы мы сами постигли позицию безбожника. Ибо, если безбожник в заблуждении и нам надо его опровергнуть и обличить, то мы должны прежде всего уловить, что происходит в его душе и от чего он исходит, когда провозглашает веру в Бога "вредною глупостью". Чтобы победить, надо изучить противника; чтобы помочь больному, надо постигнуть его болезнь. И вот наша первая задача и состоит в том, чтобы постигнуть позицию безбожника лучше и вернее, чем он сам ее понимает: ибо он предается ей слепо, упорно, неистово, а мы ее не принимаем, но, не принимая ее, мы должны ею владеть. Почему он отрицает Бога и веру в Него? Потому что в его опыте нет места для Бога. Он воображает при этом, что его опыт единственно верный, здоровый, нормальный, образцовый, а мы утверждаем, что его опыт, наоборот, – односторонний, скудный, урезанный, плоский, ошибочный; и что, следовательно, отсутствие Бога в его опыте – ничего не означает, кроме того, что опыт его скуден. И спор с ним возможен и будет победоносен именно на этой плоскости: мы скажем ему – "что ищешь живого с мертвыми"? или – что ищешь духовного среди материальных вещей? Обнови свой акт – и увидишь Бога, а пока пытаешься воспринять Его неверным актом, суждения твои о Нем будут глупы, жалки и неприличны.

Бог есть Дух – и открывается только духовному опыту и внутреннему, духовному оку. А вы, отрицатели Бога, отвергаете духовность человека, провозглашаете сенсуализм, т. е. исключительное торжество чувственного опыта, и материализм, т. е. исключительное бытие материи и тела. Уставившись на мир чувственно-материальным глазом, вы, конечно, не находите Бога, как не нашли бы его при таких условиях и мы. Но вы не только сами ослепили свое око и оставили себе одни телесные глаза, но стремитесь выколоть духовное око и у нас; вы объявляете нам сначала осуждение и пренебрежение, а потом прямое гонение и смерть. И вызов ваш мы принимаем, а угроз ваших не пугаемся. Мы должны показать, что мы зрячие, и обличить вашу слепоту.

Бог есть любовь – и открывается только живому, любящему сердцу. А вы, отрицатели Бога, презираете начало любви как проявление сентиментальности и рабства и провозглашаете классовую ненависть как единственно верный путь и кровавую, мстительную революцию как единственное спасение человечества. Уставившись на мир и на людей сердцем, полным страха, зависти и злобы, вы обращаетесь тем же самым актом к Богу – и начинаете ненавидеть и поносить и Его как существо злобное и угнетающее, и стремитесь навязать те же чувства и то же воззрение и нам. А мы, в ответ, должны показать, в чем ваша ошибка и почему вы отрицаете Бога.

Как это просто и ясно: Бог постигается духом и любовью, а потом, из духа и любви – Он созерцается нечувственным воображением, совестью, волею и вдохновенной мыслью.

Люди, лишённые духа и любви и не хотящие или не могущие жить ими, **что могут сказать о Нем?** Только то, что Его нет; что верить в Него не следует, что это – глупо и вредно.

Почему глупо? Потому что неосновательно и суеверно. Зачем верить в то, чего нет? Умно ли это? Люди без всякого основания верят в ложные слухи. Умно ли это? Нет, глупо. Люди от суеверия верят в то, что встретить похороны к добру, а встретить священника к несчастью. Это суеверно и глупо. Вот также глупо верить в Бога, если Его нет. А без-

божники уверены, что Его нет; ибо, говорят они, мы его не видим в мире внешних вещей – значит, его нет, значит, верить в него глупо.

А почему верить в Него вредно? Потому что, по мнению безбожников, люди верят от невежества и страха; верят от страха и боятся от веры; и чем больше верят, тем больше боятся. А страх, да еще неосновательный страх, унижает человека, подрывает в нем веру в свои силы, подрывает его вдохновение и творчество и отдает его во власть того сословия – духовенства, которое питает и поддерживает в нем эту трусость. Страх есть порождение рабства и источник нового порабощения. А неосновательный страх вызывает сверх того еще покорную пассивность и нелепую надежду на то, что несуществующего Бога можно умиловить, склонить на свою сторону и получить от него помощь. Поэтому – вера вредна прогрессу и свободе.

И вот, мы все должны осязательно и окончательно убедиться в этом – что мы вышли в самый глубокий тыл противника, верно обозрели его основные позиции, научились говорить на его языке и думать его мыслями и, главное – поняли его слабые места и его основные, фатальные для него ошибки.

Мы поняли, почему они не умеют верить в Бога и почему они утверждают, что эта вера глупа и вредна. Мы поняли, в чем состоит тот глубокий кризис, который вызвал к жизни современное безбожие.

Цивилизованное человечество наших дней оскудело духом и любовью и ожесточилось. Причины этого процесса глубоки и сложны и заложены в веках; если свести их к единой формуле, то надо было бы сказать: торжество рассудка над вдохновением, расчета над сердцем, механического над органическим, внешнего опыта над внутренним опытом.

Это торжество, это преобладание обнаружилось не только в светских кругах и делах, но и в религиозно-церковно-христианских.

Внешние причины содействовали этому процессу: размножение и уплотнение народонаселения; революционный выход масс на поверхность жизни; технические открытия, создавшие новую промышленность; развитие капитала и связанная с ним новая и обостренная классовая дифференциация; образование промышленного пролетариата и крупных городов, население которых отрывается от природы и покоряется машинной жизни; распространение полуобразованности и демократизации государств; дразнящие, назойливые успехи материальной цивилизации и связанная с этим всеобщая жажда комфорта и наслаждений; и многое другое, чего я не могу здесь даже и перечислить.

Все это вело и ведет к одному – к оскудению человечества в духе и любви.

Духовен человек постольку,

1) поскольку он живет внутренним опытом, а не только и не просто внешним, телесно-чувственно-материальным,

2) поскольку он умеет отличать нравящееся, приятное, дающее наслаждение от того, что на самом деле хорошо, объективно-прекрасно, истинно, нравственно, художественно, справедливо, совершенно, божественно и

3) поскольку он, различая эти два ряда ценностей, умеет прилепляться к совершенному, предпочитать его, насаждать его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности умирать за него.

И вот, во всеобщей погоне за приятностями и удовольствиями, современное человечество растеряло это духовное измерение вещей и деяний; оно разлюбило духовность в жизни и вместе с тем разучилось любить, а научилось ожесточаться и ненавидеть.

В наши дни большинство людей жаждет не духа, а наслаждений; трепещет от несовершенства и близости к нему, а от земных, чувственных сладострастий всех родов и видов, пресыщаясь ими и хладея ко всему иному. Но что еще замечательней и фатальней – человечество наших дней выдвинуло соответствующие теории, учения, доктрины, оправдывающие и обосновывающие такую жизнь. Таковы учения: гедонизма, сводящего смысл жизни к наслаждениям, утилитаризма, успокаивающегося на пользе, экономического материализма, с его классовой борьбой и равным распределением земных благ и наслажде-

ний, и т. д.

Но и это все могло бы быть не более чем тягостным заблуждением, временным ослеплением: если бы, например, оказалось, что человечество ищет совершенного и только соблазнилось соблазном сладострастия, подобно Одиссею, который стремится на свою родину и временно застревает у нимфы Калипсо; или подобно паломнику, идущему в Иерусалим и соблазнившемуся в пути земными утехами. Мы не ригористы, не педанты и не изуверы. Человек есть человек и не может обойтись без человеческого.

Страшно иное: страшно то, что люди наших дней не хотят иного, что они ожесточились в отрицании духа и любви, что они создали воинствующий мировой центр, хотящий словом и примером, лукавством и преступлением, мукой, нищетой, страхом и кровью навязать всему человечеству уклад бездуховный и противоположный, навязать всем людям слепоту безбожия и жесточенность в этой слепоте.

И еще страшно то, что человечество видит эту затею и в большинстве своем безразлично молчит или предательски способствует этой затее.

Вот где дно современного кризиса. Вот где раскрывается природа современного безбожия – в его упоенной воинственности. И, видя это дно и эту воинственность, разумея всю опасность этого процесса и приветствуя разумом и волею, и сердцем всякую благородную попытку противостать этому соблазну и остановить его победное шествие, мы должны, мы призваны внутренне подготовить себя к борьбе с этим безбожием, научиться побеждать его духом и любовью – и в себе, и в других, и уразуметь его внутреннюю обреченность.

Об этой-то обреченности я и поведу теперь речь.

Глава вторая

Все то, о чем я говорил до сих пор, исследуя нашу основную тему "Кризис безбожия", составляло как бы оборону. Нападение шло не от нас. Нападение идет от безбожников. Это они утверждали, что "веровать в Бога глупо и вредно", а мы исследовали их базу, проникали в их тыл, устанавливали слабые места их фронта и наносили им парализующие удары.

При этом мы установили следующее:

1. Опыт человека не единообразен, а многообразен.
2. Он должен верно соответствовать воспринимаемому предмету.
3. Неверный акт уводит от предмета, он не дает человеку ни малейшего права судить о предмете – есть он или нет его, и если есть, то каков он.
4. Бог воспринимается духом и любовью, а современные безбожники отрицают начало духа и любви.
5. Поэтому современные безбожники не могут судить о Боге; они слепы и бессильны; отрицание их несостоятельно, а воинственность их стремится навязать другим их собственную слепоту.

Но все это лишь оборона.

Теперь довольно. Нам пора самим перейти в наступление. В этом наступлении неизбежно будут две стороны: сторона аргументов и сторона жизненных поступков. И я думаю, что никто не будет сетовать на меня, если я сегодня буду говорить только об аргументах.

Мы возвращаем безбожникам их тезис:

- в Бога верить не глупо, а разумно и мудро;
 - в Бога верить не вредно, а окрыляюще, благодатно и спасительно;
 - отрицать же Бога преглупо и презловредно.
- Почему? Потому что общение с Богом есть
- главный источник творческого вдохновения;

- главная опора настоящей, истинной науки;
- главная основа чистой и могучей совести;
- месторождение окрыленного гениального искусства;
- неколеблющийся фундамент благородного государственного и политического правосознания;
- абсолютная основа характера;
- живой источник любви, доброты, жертвенности и социальности;
- величайшая гарантия волевой дисциплины и беззаветной храбрости.

Вера в Бога есть главное и единственное, что может освятить земной труд человека, осмыслить его строительство и его хозяйство, вдохнуть в процесс хозяйствования дух творчества, художества, качественности, дух доброты, справедливости и щедрости. Русская пословица давно высказала это: "без Бога – ни до порога" и была права и мудра в этом. И обратно: там, где воцаряется безбожие – иссякают глубочайшие и чистейшие ключи духа, питающие и освящающие жизнь человека на земле.

Безбожие означает, что в человеке иссякает духовность и любовь: ибо тот, кто живет духом и любовью, тот не только видит Бога в духовных небесах, но несет Его в самом себе.

Вот я выговорил сейчас самое важное, чего не понимают безбожники. Они все думают, что Бог это какая-то вне нас находящаяся вещь, сила или существо, которое противостоит человеку своими строгими велениями и грозными запретами, и твердят, что такого существа нигде нет. Они думают, что верующий человек противостоит своему Богу, трепеща, повинуюсь и заискивая перед ним.

И не понимают главного, а именно: что Бог есть Дух, духовно вступающий в человеческую душу, озаряющий ее изнутри, освещающий ее, насыщающий ее Своею благодатною силою, очищающий ее, дарующий ей силу молитвы, терпения, разума, покаяния, подвига, власть видеть, учить и вести. Этого сокровенного, но реального и благодатного единения человека с Богом они понять не в состоянии; и потому они не понимают того, что отрицают и над чем издеваются. Это единение человека с Богом, составляющее самую глубокую и основную сущность веры, религии и молитвы, я мог бы пояснить совсем просто.

Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью. Согласно этому закону, человек неизбежно уподобляется тому, к чему он прилепляется любовью, верою и помыслами. Чем сильнее и цельнее его прилепленность, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Это понятно: душа человека пленяется тем, во что она верит, и оказывается как бы в плену; это содержание начинает господствовать в душе человека, поглощает ее силы и заполняет ее объем. Человек ищет своего любимого предмета, занимается им явно и втайне. Он медитирует о нем, т. е. сосредоточенно помышляет о нем всеми своими душевными силами. Вследствие этого душа вживается в этот предмет, а самый любимый и веруемый предмет проникает в душу до самой ее глубины. Возникает некое подлинное и живое тождество: душа и предмет вступают в тесное единение и образуют новое живое единство. И тогда мы видим, как в глазах у человека сияет или сверкает предмет его веры: то, во что ты веришь, сжимает трепетом твое сердце, напрягает в минуту поступка твои мускулы, направляет твои шаги, прорывается в словах и осуществляется в поступках.

Так обстоит всегда. Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, то божественные содержания становятся для него жизненным центром – и в созерцаниях, и в поступках, чем-то важнейшим, главнейшим, любимым, искомым, желанным и в силу этого – всегда присутствующим в душе обстоянием. Веровать в Бога – значит стремиться к созерцанию Его, молитвенно медитировать о Нем, наполнять свою душу Его благою и совершенною волею. От этого усиливается и разгорается божественный огонь в человеке; он очищает его душу и насыщает его поступки. На высоких ступенях такой жизни возникает некое живое и таин-

ственное единение между человеком и Богом, о котором так вдохновенно писал Макарий Великий, характеризуя это единение как "срастание" или "срастворение", от которого душа становится "вся светом, вся оком, вся радостью, вся упокоением, вся любовью, вся милосердием, вся благодатью и добротой".

Это-то и имел в виду апостол Павел, когда писал: "А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом" (1 Кор. 6, 17).

Естественно, что от такого перерождения души изменяется и внешний вид человека, о чем он сам может и не знать, но что видят или чувствуют окружающие его. Такие люди легко узнают друг друга и от них подлинно излучается сила и благодать Божия; а сами они становятся боговдохновенными людьми, будь они священниками, художниками, учеными, воспитателями или государственными деятелями.

Так действует этот закон у верующих людей.

Но он действует и у безбожников в душе. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главнейшее в жизни, их любя, им служа и предаваясь, то он сам неизбежно превратится в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся бездуховное животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Если человек верит в завистливое равенство, в насилие, в классовую ненависть и борьбу, то он неизбежно станет и сам профессиональным завистником и ненавистником, и в глазах его выразится свирепость и кровожадность. Медитирующий о разбое – становится разбойником, медитирующий о сатане – получает дьявольское выражение в лице и начинает совершать дьявольские поступки.

Так действует закон духовного отождествления через веру.

А верят все люди. Верят и безбожники, все без исключения. Только они верят не в Бога, как источник всякого духовного совершенства, а в земные богопокинутые, может быть, богоотверженные, сами себе довлеющие обстоятельства: они верят в механическую материю, в телесные потребности человека, в бездуховную и аморальную природу людей, в силу ненависти, в творческую природу зависти, в силу страха и голода; они верят в механическое порабощение людей, в развратную любовь, в возможность труда без свободной любви, без участия души, без творческого вдохновения; они верят в механическую вселенную, в механического человека, в механическое хозяйство и общество.

Они не понимают, что органическое, свободное, любящее вдохновение есть первое условие достойной, творческой жизни на земле; что это вдохновение есть дуновение Божие в человеке и его земной культуре; что верить, любить, вдохновляться и творить нельзя по принуждению, но только свободно; что Божие дело есть живое и свободно органическое, а дело ненависти, зависти, страха, механического порабощения и всезатопляющей лжи есть дело дьявола, дело обреченное, провальное, гибельное.

И то, о чем они день и ночь медитируют, то, чем они одержимы, чему служат, тот дух, с которым они вступают в единение, есть дух гибели, распада, смерти, крушения. Они первые и впервые развернули в истории человечества этот дух и этот путь.

Они вызвали его кризис – кризис безбожия: его максимального подъема и его всесветного обличения. И этот-то кризис мы ныне и переживаем. Вера в Бога, сказал я только что, есть главный источник вдохновения. Почему это так?

Потому что вдохновение есть состояние духовное, напряжение духа, подъем духа; и напрасно у нас по-обывательски называют вдохновением всякое "воодушевление".

Дух есть любовь к качеству, и воля к совершенству – во всех областях жизни: в науке, в искусстве, в политике. Не всякое воодушевление – вдохновенно: одушевиться может и шулер, и бандит, и палач, но вдохновение им недоступно. Не всякая одержимость – духовна: в одержимость может впасть и разбойник, и садист, и сумасшедший; но творческое вдохновение им недоступно.

Творческое вдохновение рождается из любви к совершенству и воли к качеству; оно есть воля к совершенному созданию; его нельзя предписать, оно приходит только в божественной свободе. Оно есть состояние свободной духовной любви, творчески напрягаю-

щей все силы человека. Вот почему вдохновение так близко к молитве и к подвигу. Оно есть веяние силы Божией в нас. И именно поэтому так плоски, так мертвы, так штампованно-механичны, так безвдохновенны и бесплодны проявления безбожников: пошлы и тривиальны их книги, механичны и мертвенны их картины, штампованны и плоски их речи, искусственно-фальшив их пафос, бесплодны, обманны, декоративно-рекламны их труды и создания.

Безбожное человечество есть безвдохновенное человечество. И ныне мы переживаем его кризис.

Я сказал далее, что вера в Бога и общение с Богом есть главная опора настоящей, истинной науки.

Почему? Во-первых, потому, что наука есть дело вдохновения. Все великое, все перевертывающее, глубокое создано вдохновенными людьми, людьми, которые воспринимали науки как ответственное служение, которые духовно любили свой предмет и духовно изумлялись его красоте, сложности, богатству; людьми, которые видели в мире не плоскую машину, скудную, простую и убогую, как их рассудок, но живую, сложную, сокровенную тайну. Я хочу этим сказать, что истинный ученый не только не отрицает тайну мироздания, но постоянно созерцает ее. Я хочу сказать больше: истинная наука рационалистична только по завершающему, последнему орудию своему, по мысли, но основной предпосылкой ее является чувство тайны, чувство любви, чувство преклонения, чувство восторга перед совершенством.

Один из глубокомысленнейших историков 19-го века Томас Карлейль высказал это прямо: "Человек вообще не может знать, если он не молится чему-то в определенной форме. Нет этого – и все его знания оказываются пустым педантством, сухим чертополохом".

Карлейль прав по самому существу дела. И если наша земная наука совершила столь великое за несколько сот лет, то лишь потому, что ее величайшие умы были верны этому требованию и завету. Вот несколько доказательств тому.

Коперник пишет: "Созерцая мысленно великолепный порядок мироздания, управляемый с Божественной Премудростью, кто не почувствовал бы, что постоянное созерцание его и, так сказать, интимное общение с ним, возводят человека к Высшему и к восхищению перед Всеизждущим Строителем вселенной, в Котором пребывает высшее блаженство и Который есть венец всякого добра".

Бэкон утверждает: "Только поверхностное знание природы может увести от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад – к Нему".

Галилей записал: "И Священное писание, и природа исходят от Божественного Слова; первое – как внушение Святого Духа, вторая – как исполнительница Божиих велений".

У Кеплера находим: "В творении – я касаюсь Бога, как бы руками".

У Бойля читаем: "Истинный естествоиспытатель нигде не может проникнуть в познание тайн творения без того, чтобы не воспринять Перст Божий".

Дюбуа Раймон говорит: "Только божественному всемогуществу можем мы достойно приписать, что оно до всякого представимого времени создало всю материю посредством творческого акта".

Подобные суждения мы находим почти у всех великих создателей современного естествознания.

То, что создала наша наука, есть порождение искренней, хотя иногда и прикровенной, религиозности. Великий ученый есть вдохновенный ученый, вдохновенно верующий в Бога и созерцающий тайны Его мира. Истинная наука не только не исключает веру в Бога, но предполагает ее в душе человека. Вера дает ученому:

творческое изумление (Аристотель),
живое чувство тайны,
истинную ответственность,
подлинную осторожность в суждениях,

предметную скромность,
волю к подлинной истине,
силу живого созерцания.

Ученый, который воображает, подобно современному безбожнику, будто все просто так, как его плоская мысль, и будто он все понял и объяснил несколькими материалистическими схемами, есть жалкая карикатура на ученого; ничего он не создаст, кроме обезьяньей и рабской "науки".

Только "полунаука" (Достоевский) уводит от веры; истинная наука предполагает ее и возвращает к ней. Я сказал далее, что общение с Богом есть главная основа чистой и могучей совести, а потому и всей человеческой нравственности и добродетели.

И действительно, все великие учителя добра свидетельствовали о том, что они воспринимали голос совести как глас Божий в душе человека. Пусть не думают, что это была "иллюзия". Но если кто-нибудь захочет настаивать на этом скептическом предположении, то он должен помнить, что он обязан проверить его в подлинном опыте совести. Иначе его сомнение будет лишено серьезного значения.

Если кто-нибудь ходит по берегу, а в воду не вступает, то вряд ли стоит выслушивать его замечания о том, что "вода, может быть, не мокрая, а сухая". Подобно этому проверить и удостоверить божественную природу совести можно, только вступив в возмущенные ангелом воды совестной купели. Только душа, окунувшаяся в эти благодатные воды, способна судить о божественности и небожественности совестного гласа.

Кто вступает в недра совести, тот испытывает силу и благодатность дуновения Божия. От этого дуновения у него поднимаются власы и священный хлад сковывает уста его. С огнем в сердце и с онемевшими устами, теряя себя в таинственных изволениях своей совести, он начинает безошибочно чувствовать, в какую сферу он вступил и к какому порядку он приобщился.

Это не случайно, что безбожники отвергают вместе с Богом и верою и начало совести, и самое различие добра и зла. Опыт совести неминуемо увел бы их к Богу. Видение Бога неизбежно привело бы их к совести. Ибо совесть есть начало духовной любви, не ошибающейся в своем видении, а духовная любовь есть единственно верный путь к Богу. Совесть есть начало духовной свободы и самостоятельности в человеческой душе, начало божественного освобождения человека от всех земных корыстей и страхов, а это начало неприемлемо сынам погибели и ненавистно им.

Противопоставляя далее наше религиозное понимание мира позиции современного безбожия, я сказал, что восприятие Бога есть подлинное месторождение всякого окрыленного, гениального искусства.

Поистине нет, не было и не будет великого искусства без вдохновения – ни поэзии, ни живописи, ни музыки, ни архитектуры. Вдохновение же есть состояние не мутной взволнованности страстей, не телесного томления или возбуждения, но состояние предметной чуткости и зоркости, состояние восторга перед раскрывшейся тайной и отстоявшейся глубиной. Во вдохновении человек духовно презирает божественное обстояние.

Корни художественного искусства заложены в той глубине человеческой души, где проносятся веяния Божьего присутствия. Пусть поэты, выражаясь условно и аллегорически, относят эти веяния к "музам", к "Аполлону" или к иным язычески поименованным "небожителям"... Пусть встречаются великие поэты, живописцы и музыканты, которым не удалось церковно оформить свое художественное общение с Богом... Это остается их личной неудачей. Их искусство же, если оно действительно велико и глубоко, всегда носит в себе следы веяния Божия, Его присутствия, Его благодати. И не только тогда, когда они заимствуют свои темы и сюжеты из сферы религиозно-церковного опыта, но и тогда, когда они пишут на "светские" темы и сюжеты.

Истинное, художественное искусство почерпает свой Предмет из религиозной глубины, из сферы веяний Божиих, даже и тогда, когда рисуемые им образы природы и людей не содержат во внешней видимости ничего церковного и религиозного. Великие ху-

дожники знают это. Они знают также, что самое вдохновение их священо и божественно. Вот откуда у Пушкина это точное описание художественного наития:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Вот откуда этот стон у Микеланджело:

О Боже, Боже, Боже!
Ты, который мог бы во мне больше, чем могу я сам...

Вот откуда эти молитвенные вздохи у Фета:

Я – ничего я не могу;
Один лишь может, Кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живописные шлет тучи...

Знают ли это безбожники? Они знают это с чужих слов и не придают этому никакого значения. И именно поэтому они пытаются заменить свободное вдохновение "социальным заказом", подкрепленным силою страха и награды. Но не родится вдохновение из страха и расчета. И потому их "искусство" – безвдохновенно и мертво. И не отзывается вдохновение на заказанные темы злобы, ненависти и доноса. И потому создания их – порочны, пошлы и убоги.

Настоящая художественная "форма" рождается из предметной тайны, из диктуемой ею глубокой, предметной необходимости. Нельзя выдумать такую "форму" по заказу или вымучить ее из себя со страху. Вот почему "безбожное искусство" есть внутреннее противоречие, жизненная нелепость, глупость диавола, непонятая им самим. И именно поэтому оно обречено вместе со всем остальным безбожием.

Я сказал еще, что вера в Бога есть абсолютная основа духовного характера в человеке, источник доброты, жертвенности, истинной "социальности", дисциплины и храбрости.

В самом деле, истинный характер выражается не только в волевой силе человека: за эту силу могут укрываться элементарные и низменные страсти, ожесточившиеся и одержавшие душу дурной и слепой одержимостью. Но истинный характер имеет природу не животную, а духовную; и страсть, насыщающая его, не есть страсть элементарного инстинкта, но страсть духовной любви; и выбор, ведущий его и указывающий ему цель, – не слеп, а зряч. Идея "характера" говорит не только о силе воли, но и о верности избранных ею содержаний и о благородстве и искренности избравшего их сердца. Злое упрямство не есть характер; слепая, неистовая свирепость свидетельствует о слабости духа; это есть рабствование дурным страстям, страстная бесхарактерность...

Истинный характер есть духовный характер. Он говорит не просто о "силе" или "единстве" душевного уклада, но о его качестве, зрячестве и преданности за совесть. Словом, он свидетельствует о господстве Божьего Духа в жизни человека. Только такой человек имеет то Главное, из-за чего и ради чего он живет, исходя из него во всех своих поступках и связываясь с ним по главному, центрально и безусловно.

Такой человек знает, что ему стоит жить, потому что он знает, что за это стоит ему умереть. Характер его есть школа предметности, в которой он сам является и воспитателем, и воспитанником. Характер его питается предметною любовью к людям и вызывает к жизни ту особую духовную доброту и социальность, которая оказывается свободной и от сентиментальности, и от лицемерия. Имея в своей совести безошибающийся критерий доб-

ра и зла, такой человек знает, чем и чему можно пожертвовать и чем вообще жертвовать нельзя. Он сам является центром живого самоуправления и дисциплины, а вера в Бога дает ему силу истинной неустрашимости.

Вот почему у безбожных людей нет и не бывает характера; их злая и страстная воля, их раскаленная одержимость, их каменеющее упрямство, их тупое одноумие, их сердечная черствость, каким бы "душевым равновесием" все это ни сопровождалось, не есть характер. Ибо истинный характер есть смертная верность духовному, т. е. божественному началу; он есть сила духовной любви, а это-то им и недоступно.

Я сказал далее, что вера в Бога есть истинный фундамент благородного правосознания.

Почему это так? Потому, что право по самому глубокому существу своему есть атрибут не инстинкта, а духа; иными словами, оно есть форма жизни не одушевленного животного, а одухотворенного и поэтому нуждающегося в свободе и самостоятельности существа. Инстинкт имеется и у животных, но они лишены правосознания и не могут быть субъектами права. Субъект правосознания и права есть разумный и духовный личный центр, способный к внутреннему самообладанию и самоуправлению. Это духовный организм, имеющий в своем внутреннем мире критерий добра и зла, должного и недолжного, дозволенного и запретного, и способный руководить своей внутренней и внешней жизнью. Это духовная личность, способная иметь родину, любить ее, служить ей, бороться за нее и умирать за нее. А это значит, что субъект права и правосознания вырастает из того глубокого и священного слоя души, где господствуют веяния Божии, где душа человека и Дух Божий пребывают в живом соприкосновении, в таинственном и благодатном единении.

Напротив, безбожник – это человек, отвергающий в себе этот таинственный источник священного, это "духовное место" откровений, зовов и молитв, всю эту сферу предметного предстояния. Вот почему он презирает свободу и попирает право, извращает государственную жизнь, отрицает родину, тянет к интернационализму и проповедует предательство своей страны.

У верующего человека все это обстоит иначе. Вера в Бога есть для него начало "жизни по Божьему", начало правовой совести, лояльности, уважения к праву и свободе; начало ранга, дисциплины и служения; начало патриотического и государственного вдохновения. Именно эту связь и эту мысль с классической простотой выразил у Достоевского "один седой бурбон капитан", которому Петр Верховенский стал проповедовать безбожие: "Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?" Это мысль не только цельная, но и предметно верная. Потому что Бог есть источник всего духовного на земле, а следовательно, и патриотизма, и лояльности, и дисциплины, и ранга, и служения; и все эти необходимые и драгоценные атрибуты духа приемлются верующим не из страха и расчета, а в порядке добровольного самовменения.

Право и государство без правосознания – невозможны и нелепы, а безбожники попирают правосознание, разлагают и отрицают его. Поэтому все, что они создают под видом и под именем "государства", есть мертворожденное построение; механизм страха и рабства; каторга бесправия, произвола и принуждения; система унижения; "политическая" декорация для обмана подслеповатых путешественников.

Нет сомнения, что история произнесет надо всем этим свой суд.

Однако современный кризис ведет нас еще дальше и показывает нам судьбу безбожного хозяйства.

У человека всегда была потребность осмыслить и освятить свой хозяйственный труд на земле: связать его с высшей жизненной ценностью, поставить ему великую и благородную цель, пропитать хозяйствующую душу памятью о Боге и о Его заповедях. Это – потребность здоровая и мудрая. Она стремится утвердить хозяйственный труд, как дело доброе, как дело служения, не дать ему превратиться в машинную суету, в суетную толкотню, в жадное рвачество, в жестоковыйную эксплуатацию человека человеком... Она

стремится связать труд и движущий его инстинкт самосохранения с духом и вдохновением, построить его на любви к природе и ближним, осмыслить его как художественное формирование внешних вещей. Она стремится породнить человека с природой, с ее величавой мерностью, с ее сокровенной красотой, с ее таинственной целесообразностью и органичностью. Она стремится соединить в хозяйстве расчетливый инстинкт с сердечной добротой, умерить жадность любовью, исцелить скупость щедростью, связать хозяйствующих людей по-Божьи – совестью, солидарностью, состраданием, взаимопомощью.

Было время, когда многим казалось, что современный социализм, а может быть, и коммунизм, призваны оправдать и осуществить все это лучше, чем это удалось доселе христианскому обществу. Ныне, после того, как безбожие развернуло свою жизненную программу и свой способ строительства, все начали понимать, насколько вредны и бесперспективны были эти надежды. Не носящий Бога в своем сердце и не видящий божественного начала в своих ближних может создавать только механическое общество и механическое хозяйство. Безбожное хозяйство строится не на духе и не на естественном инстинкте человека, а на отвлеченной выдумке и на принуждении, на искусственно создаваемой всеобщей повальной нищете и зависимости, на механическом рабстве и на страхе перед насилующим центром.

В таком хозяйстве человек превращается в голое средство, в машину, в ограбленного раба; человек человеку становится эксплуататором и убийцей.

Ныне безбожие показало себя и в этом отношении. Лицо его ныне ясно всем, кто способен еще видеть. И кризис безбожного хозяйства разворачивается на наших глазах.

Вот что дает нам основание говорить о кризисе современного безбожия. Вот что дает нам право и обязанность вернуть их укор и обличение и сказать: верить в Бога – мудро и спасительно, отвергать Бога – неумно и погибельно.

Ибо без Бога вся культура человечества теряет свой смысл и свое значение. И если она не сокрушается сразу и во всех отношениях, то только потому, что пассивное безверие способно долгое время держаться сокровенным дыханием Божественного начала, вошедшим в человеческую душу и ведущим ее в порядке некультивируемой и часто незамечаемой, но по-прежнему живоносной, традиции. Веры уже нет, но уклад души, созданный, воспитанный и облагороженный христианскою верою тысячелетий, живет и делает свое дело. К быстрому, стихийно-катастрофическому крушению ведет только то безбожие, которое имеет дерзание быть самим собою, которое последовательно осуществляет активное и воинственное безверие; безверие и антихристианство. Тогда убивается в людях вдохновенное, подавляется и пресекается напряжение их богоданного, естественного инстинкта, извращается наука, мертвеет совесть, выдыхается искусство, разлагается характер, вырождается правосознание и распадается хозяйство.

Лет двадцать тому назад было бы труднее доказывать все это в предвидении грядущих или возможных событий; но ныне, когда поистине самые факты вопиют о себе, нам остается только указывать на них, делать выводы и подводить итоги. И когда мы и поныне еще слышим голоса, что-де в наш век культуры и просвещения странно и смешно говорить о Боге", – то нам сразу становится понятным, из какого душевного уклада и мирозерцающего акта (пассивное, непоследовательное безбожие) говорит этот голос и к какому лагерю он принадлежит из тех двух великих станов, на которые распалось современное человечество... Это люди, которые не понимают главного, а именно: что культура и просвещение созданы боговдохновенным актом и создаются и поныне боговдохновенными людьми; что и в культуре, и в просвещении пассивные, непоследовательные безбожники всегда будут лишь трутнями, а активные, последовательные безбожники всегда будут лишь разлагателями и разрушителями.

Кризис безбожия состоит в том, что неисповедимыми путями Божиими безбожникам дан простор выявить лицо свое и последовательно показать себя на деле.

Они это и сделали.

И все, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и кто дал себе труд вникнуть в события наших дней и уразуметь их, все постигли или постигают смысл этого кризиса; они поняли и то, что истинная культура создается только трудолюбивым вдохновением и боговдохновенным трудом, и то, что безбожники всегда будут лишь трутнями и разрушителями культуры.

Все ли выполнили это? Все ли постигли?

Знаю, что не все, далеко не все; что одни не умеют совершить это, а другие не хотят делать этого.

Но знаю также и верю, что неумолимая история, таинственно ведомая Божиим перстом, заставят неуразумевших страдать до прозрения, заставит упорных и слепых трепетать трепетом последнего страха и покаянно искать путей к Богу.

Человечество стоит перед новыми путями в истории своего духа. Совершились некие сроки. Оборвались и обрываются старые пути. Есть только два исхода: или в бездну, или к перерождению и обновлению духовно-религиозного акта.

В этом смысл современного кризиса безбожия.